

12. Гребнев А. М. Аграрные отношения в Пензенской губернии между первой и второй буржуазно-демократическими революциями в России. – Пенза, 1959.
13. Зырянов П. Н. Крестьянская община Европейской России в 1907-1914 гг. – М.: Наука, 1992.
14. Крестьянское движение в России. Июнь 1907 г. – июль 1914 г. Сб. док. – М.-Л., 1966.
15. ПСЗ. Собр. 3. Т. XXVI. 1906. Отд. I. СПб., 1909.
16. Хованский Н. Ф. Помещики и крестьяне Саратовской губернии. – Саратов, 1911.

Ячменихин К.М.

*доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой
всемирной истории Черниговского национального
педагогического университета имени Т.Г. Шевченко*

Усадьба графа А.А. Аракчеева в Грузино

Биография А.А. Аракчеева (1769 – 1834) изучена достаточно полно [1, 2], при этом исследователи уделяли основное внимание изучению его государственной деятельности и только вскользь упоминали о повседневной жизни графа. Несколько лет назад по приглашению администрации Чудовского района Новгородской области я побывал в с. Грузино, где отмечалась 240-я годовщина со дня его рождения. Отсутствие каких-либо следов деятельности бывшего хозяина имения (об этом речь несколько ниже) натолкнула меня на мысль: написать хотя бы статью об А.А. Аракчееве как человеку в конкретных жизненных обстоятельствах. Тем более, что современный историко-антропологический дискурс в историографии призывает и позволяет уделять пристальное внимание истории повседневности.

Войдя со временем в аристократическую часть общества (конец правления Павла I), Аракчеев, который до этого в силу бедности своей семьи вел достаточно скромный образ жизни простого армейского офицера, не мог уже не окружить себя такими произведениями искусства, которые

подчеркивали бы значимость его особы государственного уровня. При этом, его эстетические вкусы развивались постепенно, поскольку детство он провел в семье с очень скромным достатком и поэтому отношения к прекрасному имели у него специфические оттенки. Вначале в кадетском корпусе, а потом в семье графа Н.И. Салтыкова (в качестве репетитора) он впервые столкнулся с настоящими произведениями искусства, которые не могли не отразиться на формировании его эстетических вкусов. Во время службы в гатчинских войсках Павла Петровича и дальнейшего проживания в Петербурге (после восшествия на престол последнего), он окунается в атмосферу столичного города. Именно столичная жизнь, общение с ведущими архитекторами, литераторами, художниками и музыкантами сформировали у него взгляды и вкусы, которые позже были реализованы в архитектурных решениях различных сооружений собственной усадьбы, ее внутреннем оформлении, в повседневном быте. При этом, на мой взгляд, элементы провинциальности (и в хорошем, и в плохом смысле этого слова) так и не были им изжиты до конца жизни.

В связи со строительством Грузинской усадьбы в литературе упоминаются фамилии двух архитекторов – Федора Ивановича Демерцова (1762–1823) и Василия Петровича Стасова (1769 – 1848). В.Я. Курбатов полагал, что Аракчеев сумел привлечь к строительству и оформлению усадьбы если не первых, то все-таки лучших зодчих [3, с. 611]. Имя В.П. Стасова достаточно известно в истории архитектуры. Его творчеству посвящено немало исследований, среди которых выделяется фундаментальная работа В.И. Пилявского [4]. Василий Петрович принимал активное участие во втором этапе строительства усадьбы, связанного, главным образом, с завершением архитектурного ансамбля и сменой его художественного характера.

О Ф.И. Демерцове, который спроектировал и начал строительство усадебного комплекса, известно намного меньше. Имя архитектора встречается в работах по истории российского искусства: И.Э. Грабаря [5, с. 542], С.Н. Кондакова [6, с. 323], П.М. Петрова [7, с. 341]. Авторы называют семь работ Демерцова, в т.ч. в Петербурге: Второй кадетский корпус, Новый арсенал, церковь Знамени и Сергия Чудотворца, в Кронштадте – Андреевский собор, в Грузино – собор Андрея Первозванного и дворец. До наших дней без существенных переделок сохранилось только здание кадетского корпуса. Остальные либо перестроены, либо уничтожены. Исчезновение памятников архитектуры стало главной причиной забвения имени Ф.И. Демерцова.

Многолетнее изучение архивных материалов позволило Н.В. Мурашовой воссоздать биографию архитектора, выявить сооружения, построенные по его проектам [8]. Они смогли выявить существенный факт его жизни – происхождение из крепостных. Возможность познакомиться с жизнью и деятельностью Демерцова важны еще и тем, что о талантливых российских архитекторах из крепостных наши знания ограничиваются только несколькими именами.

Выбор Аракчеевым Демерцова был, вероятно, не случайным и обусловленный их давним личным знакомством. Последний был старше Аракчеева на семь лет и преподавал в кадетском корпусе, в котором учился будущий граф. «Вольная» Демерцову князем П.Н. Трубецким была подписана только в ноябре 1783 г., когда он (по неустановленным причинам) попал в кадетский корпус. В 1790-е гг., когда Демерцов зарекомендовал себя талантливым архитектором, в С.-Петербурге работали такие известные мастера как Ю. Фельтен, И. Старов, Дж. Кваренги, Ф. Волков. В 1795 г. ему было присвоено звание академика архитектуры.

Судьба каждого талантливого выходца из крепостных в большей степени зависела от поддержки влиятельных людей. Главный покровитель Демерцова – князь П.Н. Трубецкой умер в 1791 г., директор кадетского корпуса П.И. Мелиссино – в 1797 г., после этого защитником-покровителем стал А.А. Аракчеев. После возвращения из последней ссылки в 1803 г. все повышения по службе и награждения Демерцова происходили благодаря его ходатайствам.

С 1799 по 1810 г. Демерцов был фактически архитектором не только артиллерийского департамента, но и персональным архитектором Аракчеева. Именно в этот период он построил дом графа на Мойке и создал ансамбль его усадьбы в с. Грузино. Чертежи проектов усадьбы сохраняются в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки. Многие архивные материалы свидетельствуют, что Аракчеев принимал активное участие в обсуждении всех проектов, т.е. не был пассивным свидетелем: некоторые детали зданий и сооружений он предлагал заменить или переделать.

Планирование архитектурно-паркового ансамбля Грузина удивительно простое и ясное. Главным образом оно обусловлено природой участка застройки – мысом конической конфигурации (Рис. 1).

Рис. 1. План усадьбы Грузино

1. Собор Андрея Первозванного
2. Дворец
3. «Невский проспект»
4. Колокольня
5. Въезд на соборную площадь
6. Аллея
7. Пристань
8. Площадь с оранжереями возле пристани
9. Площадь около въезда на Тихвинскую дорогу
10. Скотный двор
11. Садово-парковая зона
12. Летний домик
13. Терраса
14. Швейцарский домик
15. Колоннада с памятником Андрею Первозванному
16. Съезжая
17. Система каналов

На его плато расположены на одной оси и четко сориентированы на острый выступ мыса главные сооружения. Это, прежде всего, дворец и собор (рис. 2., рис. 3).

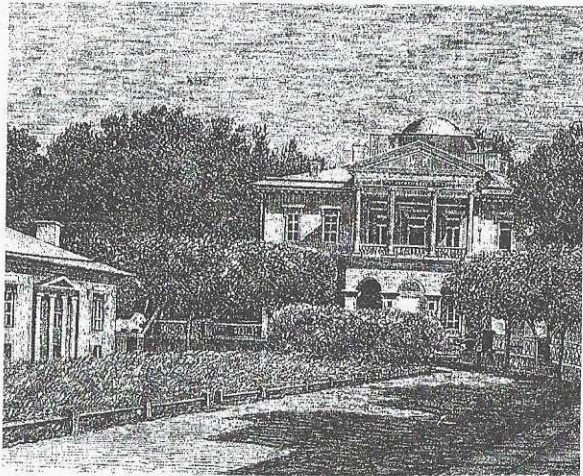

Рис. 2. Дворец графа Аракчеева в с. Грузино.
Южный фасад. 60-е гг. XIX в.

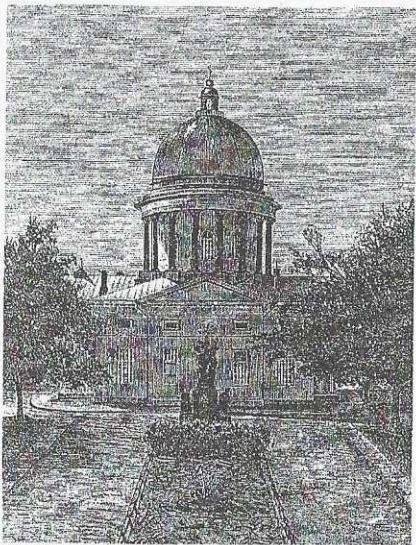

Рис. 3. Собор Андрея Первозванного в с. Грузино.
Северный фасад. 60-е гг. XIX в.

Между ними расположены шесть служебных флигелей, по три с каждой стороны, создающие небольшую улицу, в шутку названной «Невский проспект». К собору прилегала большая площадь, с востока и запада обсаженная деревьями. Въезд на соборную площадь фланкировался двумя зданиями с колоннадами, предназначенными для госпиталя и больницы (Рис.4).

Рис. 4. Усадьба Грузино. Въезд на Соборную площадь

С востока на запад была разбита аллея, которой Демерцов разделил весь участок на два сектора – северный пейзажный и южный застроенный. В последней четко выделялась зона хозяйственных сооружений. На более пологой западной стороне, которая спускается к Волкову, расположились конный, скотный и птичий дворы, молочная ферма, сараи, прачечная и кузница. Более крутой восточный склон позволял создать за флигелями и соборной площадью зеленые террасы, среди которых гармонично и уютно расположились садовые сооружения: оранжереи, теплицы, парники и домик садовника. Такая планировка природным образом отделяла главные сооружения от служебных и одновременно позволяла последние расположить недалеко.

По косогору, охватывая соборную площадь с трех сторон, расположились дома прислуги, грузинского старосты и крестьян, создавая собой набережную. Здесь Демерцовым было спроектировано три площади: полукруглая по центральной оси эспланады и две квадратные, одна из них про-

должалась по оси собора на восток и заканчивался дорогой на Тихвин. На углу этой площади и улицы, которая вела к набережной, Демерцов построил дом для приезжих, известный по документам как «швейцарский» домик (названия дали соответствующие интерьеры).

Другая площадь была сформирована по дороге на пристань. По ее сторонам были построены две оранжереи. Местность возле набережной Волхова была низинной и сырой, поэтому, по рекомендации Аракчеева, здесь были насыпаны два вала, обсаженные деревьями в направлении от площади по дуге. Планирование этой насыщенной строениями части демонстрирует как мастерски и логично Демерцов использовал рельеф местности, создав компактную и удобную схему размещения всех сооружений. Весь участок пересекается исключительно прямыми линиями аллей, улиц, дорожек. Формы сооружений и площадей сугубо геометрические. В этом, несомненно, проявилась личность владельца, его тщательность, любовь к регулярности и порядку.

Анализ приходно-расходных вотчинных книг свидетельствует, что активное строительство усадебного дворца продолжалось уже в 1801 г. [9, лл. 3, 8, 12, 15]. Закончено до 1806 г. Двухэтажное каменное сооружение было центром композиции и в плане представляет собой квадрат. Фасады были разными, в зависимости от их функционального назначения. Главным был фасад, повернутый к собору. Сдержанный и суровый, он отвечал основным требованиям тех времен, характеру многих петербургских построек. Садовый фасад был аналогом главного, но в его оформлении использовано окно паладинского типа, которое смягчало суровость декора. Боковые фасады решены тождественно, только в западном, повернутом в сторону Волхова, был дополнительный полуподвальный этаж.

Относительно интерьеров все мемуаристы однозначно отмечали, что они были выполнены с царской роскошью и не имели себе равных даже по столичным меркам. Документальные материалы свидетельствуют, что стены дворца были отделаны белым мрамором и расписаны арабесками, а фриз – разнообразными фигурами животных. На левой стороне вестибюля была расположена лестница, украшенная двумя парами колонн тосканского ордера и скульптурами. Лестницы вели на второй этаж, где находились парадные комнаты. Стены здесь были украшены чудесными панно, выполненными не позднее 1808 г. Это подтверждает письмо Н.Ф. Минкиной дворецкому от 5 мая 1808 г.: «Перевесь из залы, в которой венецианское стекло, две шторы на лестницу, где живопись» [10, л. 92]. Роспись стен лестниц производилась по эскизам художника М.Н. Воробьева, который, су-

дя по документам хозяйственного содержания, работал в Грузино в 1807–1808 гг. [10, л. 70].

Комнаты второго этажа были светлыми и просторными. Самые большие были расположены по центральной оси дома – столовая и гостиная, окна которой выходили на сад. Все стены этого этажа были отделаны искусственным мрамором. Демерцов, как и другие архитекторы того времени, любил контрастное соединение скромности внешнего вида своих сооружений с богатством внутренних интерьеров. Работы с мрамором производились в 1807 г., о чем говорит письмо Минкиной управляющему от 24 июля 1807 г.: «Федор Иванович посылает гвозди, краски..., еще отдайте мраморные кисти и камень для очистки мрамора» [10, л. 14]. Необходимо отметить, что за строительством дворца и других сооружений Демерцов наблюдал лично, приезжая в Грузино не только летом, но и зимой.

Комнаты нижнего этажа были оформлены гораздо скромнее. В «царских» комнатах, в которых останавливался Александр I при посещении имения Аракчеева, все вещи императора до самой смерти Аракчеева сохранялись в неприкосновенности. В 1829 г. здесь были установлены массивные бронзовые часы, изготовленные по заказу Аракчеева мастером А. Леджором в Париже, звучавшие один раз в день, в минуту смерти императора. Всего на строительство дворца, мебель, посуду и проч. в течение 1800–1830 гг. Аракчеевым было потрачено 582 358 руб. – сумма по тем временам огромная [11, л. 37 – 38 об.].

Другим большим каменным сооружением в усадьбе была церковь Андрея Первозванного. Заложена 5 мая 1805 г., освящена 20 сентября 1806 г., в апреле 1811 г. по благословлению митрополита Серафима стала «соборной церковью». Вероятно, это была единственная в империи соборная церковь, расположенная в имении. Судя по фотографиям и планам, которые сохранились, проект был разработан еще в 1799 г., однако его реализация из-за соображений финансового порядка была отложена. Современники воспринимали собор как выдающийся памятник культового зодчества [12]. В плане составлял квадрат (21,3 м), с шестью колоннами портиков с восточной и западной стороны, увенчанный массивным куполом на высоком барабане. Интерьер собора отличался изысканностью архитектурных форм и пластичностью декора. Украшен богатой церковной утварью, живописью и скульптурами.

В соборе было три придела – во имя Андрея Первозванного – был несколько шире остальных. Его украшали серебряные царские врата и богатый иконостас, золочение которого было закончено в августе 1808 г. [10, л. 38]. Иконы были написаны известным художником А.Е. Егоровым.

Также роскошно был отделан придел Святых Петра и Павла. Его иконостас был выполнен в виде ротонды из десяти колонн, исполненных «под мрамор», а базы и капители были позолочены. Между ними стояли фигуры святых. Особенным отличие третьего придела – Святителя Алексея – был иконостас, созданный из икон древней грузинской церкви, на месте которой был построен собор.

В 1815 г. в боковых приделах были установлены памятники: в Петропавловском – Павлу I работы выдающегося скульптора И.П. Мартоса, в Алексеевском – офицерам гренадерского графа Аракчеева полка, погибшим на поле боя во время наполеоновских войн. По моим данным, проект был разработан Ж.Ф. Тома де Томоном, модель выполнена скульптором Н.Г. Крыловым. Известный мастер мемориальной схемы – Мартос – выполнил памятник Павлу I в виде надгробия (Рис. 5).

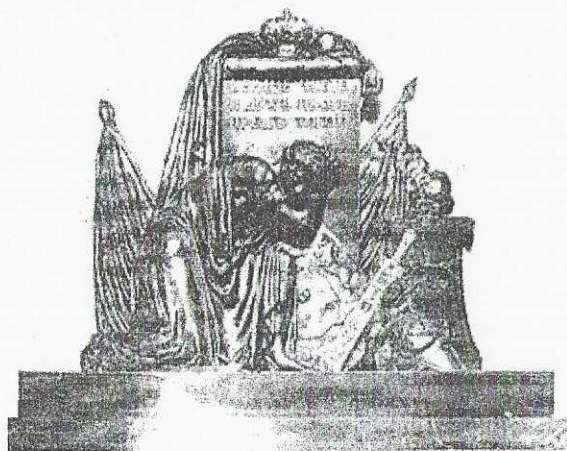

Рис. 5. Памятник Павлу I в соборе Андрея Первозванного.
Работа И.П. Мартоса

У подножия памятника Аракчеев приказал изготовить для него склеп, на котором были выбита дата рождения и оставлено место для даты смерти. Трудно сказать почему, но в соборе находились парадные портреты Петра I, Павла I и Александра I и скульптурные портреты святых, что противоречит канонам православной церкви.

Собор и дворец усадьбы, которые были построены в едином стиле, чудесно гармонировали друг с другом. Расположены они были на самых высоких местах и увидеть из можно было издалека, а с бельведера дворца и колокольни раскрывались чудесные виды на все сооружения, сады, парки, реки, далекие села и луга. Служебные и хозяйственные постройки, сгруппированные около них, создавали единый гармоничный ансамбль. Все они были деревянными на каменных фундаментах, покрыты листовым железом, оштукатурены «под кирпичную кладку».

Шесть флигелей между собором и дворцом как бы являлись их логическим соединением. Четыре из них были одинаковыми во внешнем оформлении и отличались лишь планировкой. Два центральных с каждой стороны были больше остальных по длине и украшены мезонинами, заканчивавшимися башнями со шпилями. Благодаря флагам, которые поднимались на этих башнях, все население Грузина узнавало о приезде гостей или самого Аракчеева. Сигналом этому служил подъем флага на башне в Чудове (12 км от Грузина), специально построенной для этой цели Аракчеевым. Один из флигелей служил помещением заемного банка для крестьян, а другой был жилищем музыкантов домашнего оркестра из крепостных.

Въезд на эспланаду, где располагались основные постройки, был прекрасно решен Демерцовым. Его фланкировали два одинаковых домика, решенных в виде маленьких греческих храмов (Рис. 4). В проезде между ними вписывался собор, а по бокам располагались входы на соборную площадь, оформленные каменными воротами и оградой. Их небольшой масштаб был предопределен соотношением главных и подчиненных сооружений.

Особой заботой Аракчеева был конный двор. Он состоял из двух одинаковых корпусов, соединенных оградой и предназначенных для конюшни и каретника. Совершенно оригинально был решен скотный двор. В плане он представлял собой букву «Ф». Средний объем занимали службы, а по полукружиям располагались стойла. Отдельный план был составлен Демерцовым в 1800 году для делового двора (птичий двор, мастерские, бани, сарай для сена, соломы и строительных материалов). По другую сторону эспланады, среди зеленых насаждений скрывались теплицы, парники, домик садовника. Ближе всех к дворцу располагалась каменная оранжерея со сплошным остеклением (разводил цитрусовые и лавровые деревья). В этой оранжерее он устроил себе небольшой кабинет для занятий и хранил часть библиотеки. В марте 1827 года в письме генерал-лейтенанту Ф.И. Апрелеву Аракчеев сообщал о большом пожаре в его имении, унич-

тожившем именно эту часть библиотеки, которую он «собирал сорок лет и имел редкие манускрипты» [13].

За господским домом раскинулась пейзажная часть усадьбы – парки, сады, озера, пруды, острова. Ее территория ограничивалась с севера еловой аллеей, с запада каналом, с востока слободой Поличка, а с юга – Тихвинской дорогой и усадебными строениями. Центром садово-парковой зоны был маленький летний домик, построенный в 1800 году. До отстройки дворца здесь жил Аракчеев. На западной, более пологой стороне холма, прямо от этого домика спускался зеленый луг треугольной формы, сливаясь с лугами на берегу Волкова. Рядом с летним домиком среди зелени деревьев и кустов скрывался китайский домик – единственная экзотическая постройка Демерцова в Грузии. Позже здесь жила Н.Ф. Минкина.

Слева от лужайки был распланирован пейзажный парк с тенистыми аллеями, дорожками и прудами. Недалеко от летнего домика стоял бюст Павла I, а за прудами, у северной границы парка, Демерцов построил две катальные летние горки, скаты которых шли навстречу друг другу. Круглая башня крайней из них завершалась бельведером, решенным в виде колоннады, несущей парапет с вазами (Рис. 6).

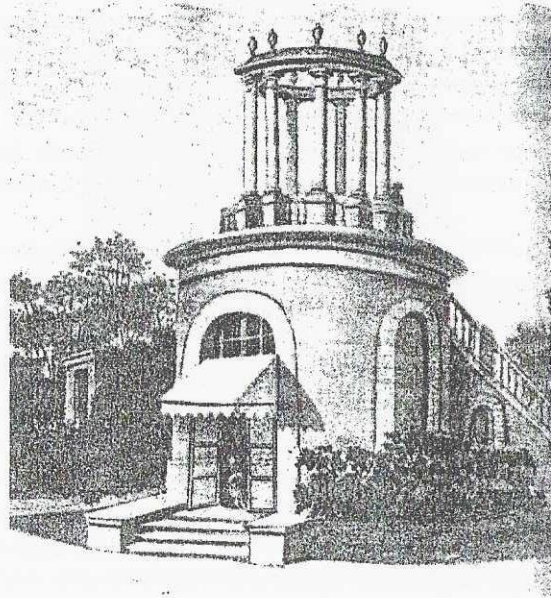

Рис. 6. Усадьба Грузино. Катальная горка

Другая сторона была решена в романтическом духе, в виде руинированной постройки. Полуразрушенные, как бы обвалившиеся стены башни и скатов создавали иллюзию подлинных развалин. Для усиления этого впечатления на стенах башни и скатов был высажен мелкий кустарник. Внутри башни был устроен грот с бюстом бывшего вельможного владельца имения князя А.Д. Меншикова. Дело в том, что сразу же после пожалования имения (декабрь 1796 г.) Аракчеев стал искать следы его усадьбы, но не нашел. Тогда он решил создать искусную подделку под старину, имитирующую постройку начала XVIII в.

Восточный, более крутой склон холма давал планировщикам больше возможности для фантазии. Демерцов не преминул этим воспользоваться и создал здесь один из компонентов дворцово-паркового ансамбля – террасы. Отсюда открывались живописнейшие виды, а сами террасы лучше всего смотрелись от прудов. Используя близкие мотивы в оформлении домика, грота и террас, Демерцов создал здесь в 1803 г. маленький ансамбль, удивительно гармоничный и пластичный. Он прекрасно вписывался в парк и имел характер небольшой загородной виллы.

На правой стороне от него был разбит фруктовый сад, а на левой – деревья различных пород были высажены уступами, что давало повод современникам сравнивать эту регулярную часть парка с «вавилонскими висячими садами». Садово-парковая зона этой стороны своими пологими спусками постепенно сливалась с искусственной водной системой. Вода подавалась из Волхова системой каналов, прорытых в низменной юго-восточной части. Через створ на Тихвинской дороге (Рис. 7) вода растекалась по сложной цепи каналов, прудов, омывая насыпные острова различной конфигурации. Архипелаг с прудами и островами начали рыть в 1802 году, а к 1815 году было уже десять островов. Они соединялись деревянными мостам, а у двух из них были сделаны каменные пристани.

На одном из островов в 1815 г. был установлен павильон, посвященный памяти директора 2-го кадетского корпуса (в нем учился Аракчеев) генерала П.И. Мелиссино. Демерцов отослал чертежи еще в мае 1812 года, но из-за войны его осуществление затянулось до 1814 года, а лепные работы продолжались еще в 1815 году [10, л. 114]. Его архитектурное решение напоминает маленький прелестный храм. К небольшому залу примыкала галерея, с трех сторон окруженная колоннадой ионического ордера. Понижение поверхности позволило Демерцову создать высокий подиум и лестницы входов, идущие прямо от воды. Павильон Мелиссино был наиболее совершенным парковым сооружением Грузинской усадьбы. Неизвестно, из каких источников в историографию просочилась версия о том, что именно

в этом павильоне Аракчеев приказал разместить потаенную галерею изображений эротического содержания. Во-первых, это плохо коррелируется с действительной набожностью Аракчеева, а во-вторых, он настолько искренне и с любовью относился к Мелиссино и памяти о нем, считая его своим воспитателем и наставником, поэтому трудно представить, чтобы граф устраивал подобное в мемориальном сооружении.

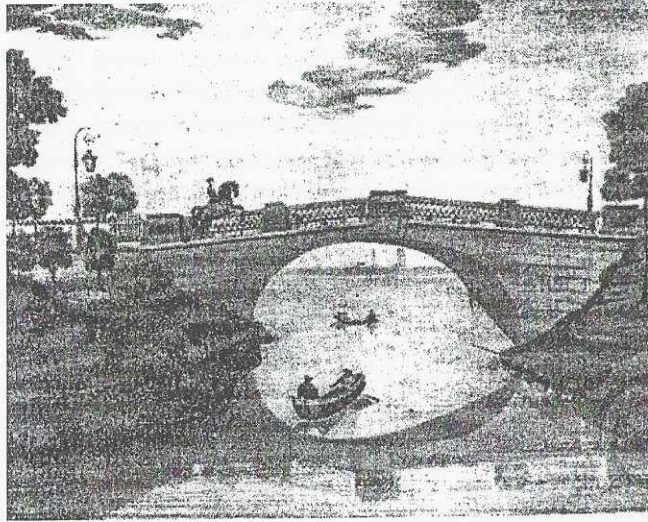

Рис. 7. Усадьба Грузино.
Мост через канал на Тихвинской дороге

Планировка всей садово-парковой зоны осуществлялась одновременно с проектированием центральной части ансамбля и отличалась такой же рациональностью. Несомненно, что в ее разработке Демерцову помогал специалист-садовник. По моим данным, этим человеком мог быть Иоганн Фридрих Эверт, с которым Аракчеев заключил контракт в 1807 г. [14, л. 78].

Получив в пожалование Грузино, Аракчеев решил создать не только великолепную усадьбу для себя, но и изменить быт своих крестьян, сделал из имения образцовое хозяйство. Во всех селениях имения разбирались старые избы, строились новые по специально разработанным генеральным планам для каждой деревни и села. Крестьяне, помимо полевых работ, теперь строили дома, прокладывали шоссе, рыли каналы и пруды, чистили парк и сад (последнее в виде отработочной ренты).

В 1802 г. на восточной окраине усадьбы, вдоль Тихвинской дороги, была выстроена крестьянская слобода Поличка. Демерцов спроектировал деревянные дома на каменных фундаментах, каждый на две семьи, простой архитектуры казарменного типа. Их строй прерывался прямоугольной площадью, посредине которой он выстроил запасной хлебный магазин.

Такой была усадьба в 1810 году, когда сюда впервые приехал Александр I. Грузино очень понравилось императору и он издал по этому поводу благодарственный рескрипт. По моим подсчетам, Александр I посетил Грузино 12 раз. Особенно часто, практически ежегодно, он здесь бывал после создания в Новгородской губернии военных поселений.

За одиннадцать лет (1799–1810 гг.) Демерцов создал в Грузине оригинальный усадебный комплекс с многочисленными постройками, садами и парками. Его композиция отличалась цельностью, поскольку используя рельеф местности, архитектор умело сочетал живописный и осевой принцип планировки. Все усадебные строения отличались многогранностью архитектурных решений при строгом следовании общепринятым принципам. Они соответствовали уровню современной архитектуры начала XIX века, общественным запросам эпохи и всем потребностям помещичьей усадьбы. На определенном этапе они отвечали вкусам владельца и уровню его престижа.

По сведениям Н.В. Мурашовой, в 1810–1812 гг. зрение Демерцова стремительно ухудшалось и, возможно, он совершенно перестал видеть. После 1816 г. его имя не встречается в списках артиллерийского департамента. Очевидно, он ушел в отставку [15, с. 222].

После окончания Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов служебное положение Аракчеева, его влияние на государственный аппарат усиливаются, особенно в связи с руководством военными поселениями. Его карьерный рост отчетливо отразился и на облике Грузино. Сюда, на поклон к всесильному любимцу императора, приезжали высшие сановники да и сам Александр I, как уже указывалось выше, часто наезжал сюда и делал Аракчееву истинно царские подарки – яхты, буера, колоннады и проч. Ансамбль, созданный Демерцовым в стиле строгой классики, стал казаться Аракчееву слишком скромным, не соответствующим его положению. Для повышения его репрезентативности Аракчеев пригласил видного архитектора Василия Петровича Стасова, который много строил в обеих столицах, Царском Селе и провинции. Стиль Стасова, тяготеющий к монументальности и даже суровости, очевидно, импонировал Аракчееву. С 1816 г. он привлекает зодчего не только к преобразованию своей усадьбы, но и к строительству штабных комплексов поселенных гренадерских полков в Новгородской губернии [16, с. 133].

Строительство по стасовским проектам осуществлял архитектор А.И. Минут, который закончил Артиллерийский и инженерный кадетский корпус в 1793 г. и был зачислен в артиллерийскую экспедицию помощником архитектора. Он был учеником Демерцова. Когда последний подал в отставку, Минут занял его место. Одновременно он заменил его и на неофициальной должности главного архитектора Грузинской усадьбы, обязанности которого он выполнял до 1827 г. [17, л. 100, 116; 18, л. 19; 19, л. 360, 370].

Благотворное влияние Стасова коснулось всех построек усадьбы и села, которые в конце концов приобрели совершенно новый облик. Деятельность по преобразованию Грузина была особенно трудной, потому что в планировочном аспекте усадьба уже сложилась, основные постройки были достаточно капитальными. Одним из первых заказов Стасову явилось составление проекта и постройка пристани. Авторство Стасова подтверждает современник событий П.П. Свинын, посетивший Грузино в 1818 г., который писал: «Башни построены по плану современно архитектора Стасова, так как и самая пристань» [20, с. 59].

В начале 1815 г. проект был уже готов, и с лета начались работы сперва по устройству земляного пирса с круглой площадкой на конце, затем забивка свай и выкладка фундаментов двух башен. Стасов, таким образом, связал в одно целое оформление пристани, организацию парадной прибрежной площади у подножия холма с главными сооружениями поместья (рис. 8).

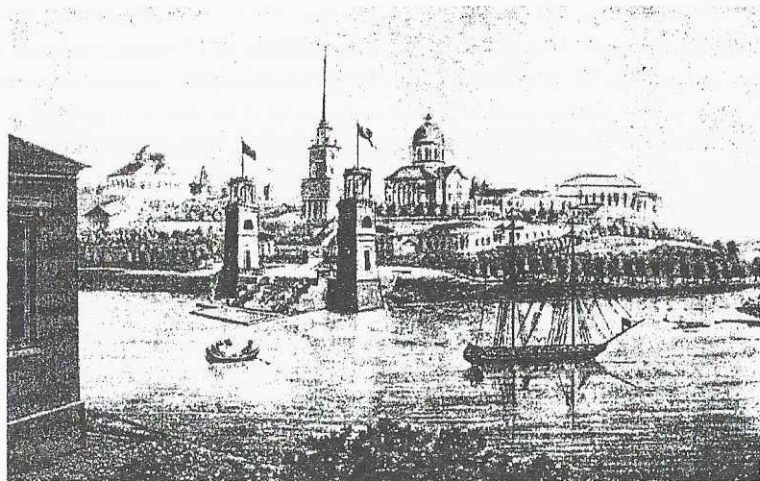

Рис. 8. Усадьба Грузино. Пристань

К навигации 1817 г. пристань уже функционировала [21, л. 27]. С большим искусством зодчий создал своеобразное сооружение, не прибегая к каким-либо исключительным приемам. Характер башен подсказан, очевидно, образом маяков. Огромную роль в художественном образе этих сооружений играют ясные пропорции, подчеркивающие монументальность и статичность сооружений.

Важными в ансамбле были симметричные здания оранжереи и гостиницы, и в глубине въездной площадки подпорная стенка с гротом, где хранилась лодка, на которой император переплывал через Волхов и сам сидел на веслах (Рис. 9).

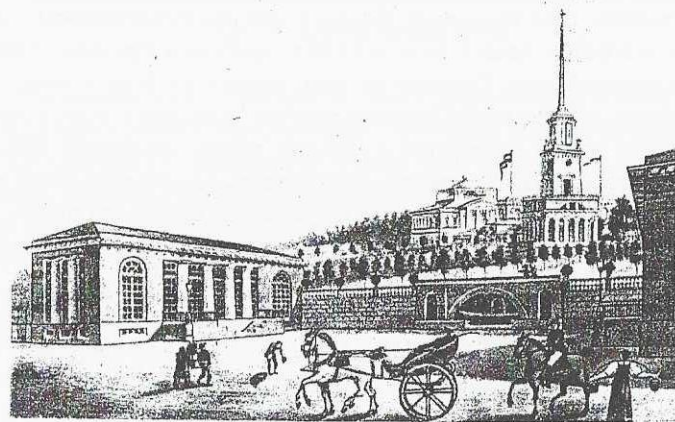

Рис. 9. Усадьба Грузино. Площадь возле пристани. Слева – здание оранжереи, справа – гостиница. В глубине – грот с лодкой

Строения на площади составляли строго симметричную по отношению к оси пристани группу, поэтому, проектируя два различных по назначению здания оранжереи и гостиницы, Стасов придал их фасадам одинаковую архитектурную трактовку. Деревянные на каменных подвалах здания имитировали монументальные каменные сооружения с тосканскими колоннами и простым по профилю карнизом. Характерно, что детали обих зданий упрощены так же, как сделал это Стасов на башнях пристани; это способствовало целостному восприятию ансамбля.

Казалось бы, что с постройкой подпорной стены и симметричных флигелей ансамбль был завершен, однако Стасов в октябре 1822 г. пред-

ставил эскиз «ограничения площади и проезда перед пристанью в Грузино решеткою или балясинами». Вариант с решетками был осуществлен с помощью казенного чугунолитейного завода под руководством М.Е. Кларка. По рисункам Стасова для Грузина, сел и деревень аракчеевской вотчин: Оскуя, Переход, Модня и другие было изготовлено много художественных чугунных оград, фонарных столбов, ограничительных тумб и т.п.

Новый проект Стасова предусматривал установку художественных оград по всему свободному пространству площади у пирса, на углах площади двух проходных павильонов, а также чугунных львов на высоких пьедесталах, эффектно фланкирующих выход с площади на пристань. Параллельно осуществлялась реконструкция подпорной стены и гота, которые были облицованы цокольным камнем, с некоторой переделкой деталей их оформления. Эти изменения делались при непосредственном участии Стасова, который в начале августа 1824 г. приехал в Грузино, чтобы осмотреть строительство. Сообщая об этом, архитектор Минут писал Аракчееву: «отдал мне Василий Петрович рисунок пристани в саду, и рисунок стен у лодки мы бы нарисовали и севодни, только проливной дождь все время» [22, л. 37]. Над подпорной стенкой была установлена новая чугунная балюстрада с балясинами, восьмью тумбами и вазами для цветов. Этим был завершён ансамбль пристани и площади на берегу Волхова, являющийся примером замечательного архитектурного единства.

От площади у пристани вдоль берега расходились дороги. Одна из них вела к деловому двору, другая – к площади перед въездом на эспланаду и далее к дамбе, в направлении к деревне Полички. Эту дорогу можно условно назвать набережной. Застройка южного и восточного ее фронтов до небольшой площади перед дамбой осуществлена еще до 1815 г. Демерцовым. На ней находились крестьянские дома, которые за 10–15 лет обветшали, да и своей архитектурой не соответствовали новому формирующемуся облику усадьбы. Сооружая площадь у пристани, Стасов счел нужным урегулировать примыкающую к ним застройку на набережной. Представляя в 1818 г. проект «угольного дома» (углового дома), он писал: «При сем же препроводить честь имею план к фасаду угольного домика в два этажа, коего овал может быть и комнатою и галереєю со стеклами и без стекол с жалюзи» [18, л. 125].

Угловой и соседний с ним дома строились как жильё. На основе присланных Стасовым эскизов Минут составил окончательные чертежи, утверждённые в апреле 1819 г. Дома были выстроены в том же году. Их архитектура не отличалась от стасовских образцовых фасадов для частных строений (Рис. 10).

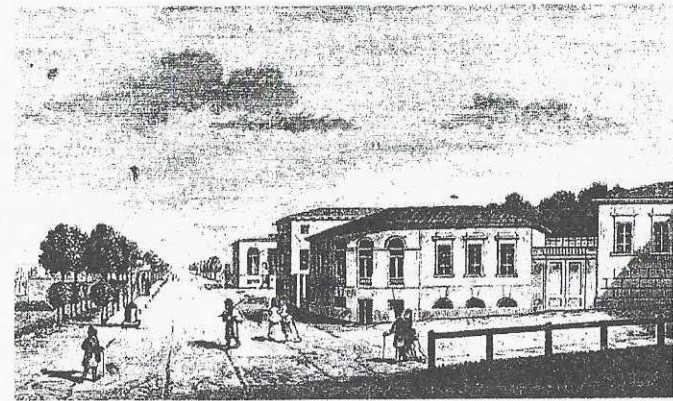

Рис. 10. Крестьянские дома

Так называемый Швейцарский домик, сооруженный в 1818 г. на углу площади перед дамбой, был скромным строением, не отличавшимся от рядом расположенных крестьянских домов. «Он назван так, – утверждает Свиньин, – потому, что внутри стены его убраны различным деревом на манер швейцарский. Домик сей определен для гостя, который бы приехал в Грузино с большой фамилиею и пожелал бы иметь свое хозяйство, для чего нашел бы он все удобства, начиная с прекрасной кухни» [20, с. 71]. Все дома на набережной были деревянными на каменных подвалах, но благодаря фасонной штукатурке казались каменными. Подобный прием был обычным для классицизма, когда ради репрезентативности, с одной стороны, и в противопожарных целях – с другой, деревянные дома штукатурились. В репрезентативности нельзя отказать и застройке этой набережной; весь ряд ее домов, начиная от оранжереи у пристани и заканчивая Швейцарским домиком, составлял целостный ансамбль набережной с застройкой по одной стороне и берегом с зелеными насаждениями, с которых виднелись водные протоки Волхова и глубокие дали.

Госпиталь и дом для лекарей своими четырехколонными портиками фланкировали подъезд к собору и были самыми выразительными зданиями на набережной. По своей композиции они хорошо задуманы в общем ансамбле Демерцовым с проходами сквозь каменные ворота по сторонам и проездом посередине. Однако художественное качество их было недостаточным, поэтому Стасов переделал их фасады, сохраняя композиционную основу. Он изменил пропорции. Вместо четырехколонных тосканских портиков создал более стройные и компактные – шестиколонные коринфские, но с обобщенными деталями ордера. Несколько провинциальный оттенок

архитектуры обоих зданий Демерцова Стасов устранил; они стали импозантнее, но при этом не утратили нужной масштабности головного сооружения – центральной группы зданий усадьбы. Проходы к набережной в виде галерей по сторонам симметричных корпусов зодчий оформил в виде триумфальных арок, но соблюдая необходимую их масштабность (Рис. 4).

В основном к 1822 г. вся магистраль набережной приобрела характер ансамбля с акцентами: у пристани на Волхове, у въезда на Соборную площадь и у Швейцарского домика. Площадь у Швейцарского домика в плане как бы перекликалась с площадью у пристани; равная последней, она была тоже почти квадратной и занимала аналогичное место в усадьбе, являясь площадью у въезда с Тихвинской дороги. В 1820 г. она была ограждена типовой для Грузина невысокой чугунной решеткой, за которой на северной стороне в саду были сгруппированы садовые строения. Проезд на дамбу у площади фланкировался четырьмя каменными образующими род пропилен столбами, соединенные такой же решеткой. Установка столбов с украшениями была закончена в 1820 г. Такие столбы были повторены у северного въезда в д. Поличку.

В создании набережной – «ожерелья» центрального грузинского ансамбля – решающая роль принадлежала Стасову, творческие замыслы которого позволили полностью заменить старую застройку и создать гармоничный, богатый разнообразием и тонкими художественными нюансами новый ансамбль, который мог бы удовлетворить вкусы хозяина имения.

Творческий гений Стасова дополнил и решительно преобразовал центральный ансамбль Грузина, придав ему новую художественную ценность. Этот процесс занял ряд лет, в течение которых были изменены архитектура существующих строений и возведены три новых сооружения: ионический павильон, колокольня и памятник Александру I. Только дворец остался без изменения, если не считать того, что в 1820 г. он был дополнен террасами с чугунными перилами и такими же, как на пристани, «сторожевыми львами». Однако почти все помещения дворца были в той или иной степени переделаны Стасовым.

Если планировочную композицию эспланады Стасов сохранил и внес улучшения в пространственную ее организацию за счет нового оформления флигелей, то Соборная площадь получила иную организацию постройкой важных для ансамбля ионической колоннады и колокольни, а затем и благодаря переделке собора. Последним штрихом в формировании центрального ансамбля явилось сооружение монумента Александру I. Все эти последовательно выполненные объекты гармонично включались в существующий комплекс, улучшая достоинства ансамбля, придавая ему новые художественные характеристики.

Мысль создать памятник, связанный с легендарным посещением этих мест апостолом Андреем, будто водрузившем здесь крест (отсюда название села – Друзино, Грузино), принадлежит, несомненно, Аракчееву, который хотел запечатлеть это событие в художественных образах. Архитектурно-художественную разработку замысла осуществил Стасов (Рис. 11). Он практически исключил религиозную компоненту и представил, по существу, проект изящной парковой колоннады с декоративной статуей в центре. Выбирая место на краю плато, на одной оси с собором, Стасов, несомненно, имел в виду эффективную панораму, раскрывающуюся отсюда на широкие поля, протоки Волхова и д. Поличку. Неслучайно ионическую колоннаду иногда в литературе называют бельведером, т.е. видовым павильоном. Для его постройки Стасов избрал чугун, уже оправдавший себя на таких произведениях, например, как чугунные ворота в Царском Селе.

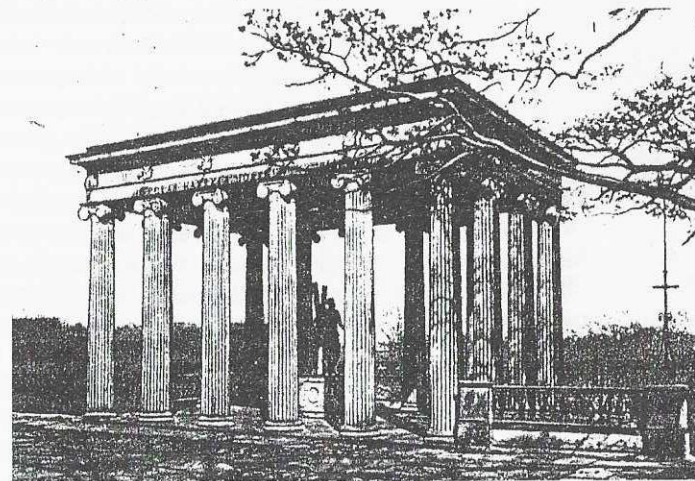

Рис. 11. Усадьба Грузино. Колоннада и памятник Андрею Первозванному

Сооружение колоннады началось в 1820 г. Заказ на изготовление чугунных частей павильона, в том числе 24 ионических колонн с канелюрами и тонко прорисованными капителями, был размещен на Петербургском, Кронштадтском и Петрозаводском казенных заводах. Весной 1821 г. чугунные части колоннады уже были доставлены в Грузино и вслед за ними откомандированы для их сборки заводские специалисты, а в июне «для показания собрания в надлежащем виде карниза у храма и осмотра прочих работ» [23, л. 64] в Грузино приехали управляющий Петербургским литейным заводом М.Е. Кларк и В.П. Стасов. Летом 1821 г. ионическая колоннада была сооружена.

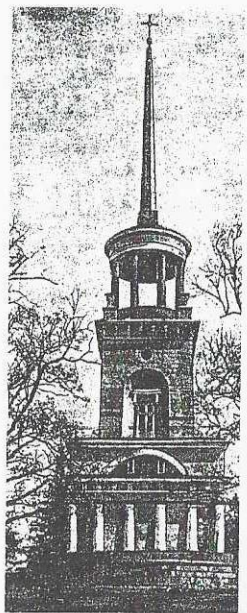

Рис. 12. Усадьба
Грузино. Колокольня

характерная для Стасова последовательность в развитии композиционных идей.

В разгар строительства, в июне 1823 г., Стасов внес существенные коррективы в проект. Он изменил капители, несмотря на то, что они уже были заказаны Кларку. Продумывая конструкцию шпиля, Стасов решил выполнить его в металле. Решение сделать шпиль в виде металлической пространственной решетчатой системы было смелым и новаторским. Совместно с Кларком Стасов успешно решил эту задачу. Подвеска тяжелых колоколов способствовала устойчивости шпиля высотой около 16 м. Окончанием строительства колокольни считается 1825 г., именно эта дата была обозначена на ее фризе.

Колокольня является одним из наиболее выдающихся произведений Стасова. В ней самобытно претворены в художественном единстве национальные русские композиционные приемы, древнерусская монументальность в форме античного ордера. Нет сомнения, что на мысль о шпилевом завершении сооружения Стасова натолкнули гениальные произведения Захарова, нашедшего гармонию в композиционном сочетании классических форм и шпиля в башне Главного Адмиралтейства. И хотя колокольня Анд-

Для выполнения статуи Андрея Первозванного был приглашен И.П. Мартос. Отливал скульптуру В.П. Екимов. Доставлена в Грузино в конце ноября 1822 г. Если колоннада по выбору места в ансамбле, разработке композиции и архитектурным формам является безусловной удачей Стасова, то статуя Мартоса, по мнению искусствоведов, не прибавила славы скульптору, создавшего до этого подлинные шедевры (памятник Минину и Пожарскому, например).

Около 1820 г. были разобраны звонницы собора, в связи с чем выявилась острая необходимость в постройке колокольни. Для нее было выбрано отличное место — западнее собора, на общей оси с ним и ионической колоннадой. Располагаясь ближе к Волкову, она должна была стать доминантой ансамбля, прежде всего воспринимаемой с Волхова, в сочетании с двумя башнями пристани. Такая ситуация предопределила направление творческой разработки проекта колокольни. Композиционные особенности башен пристани Стасов перенес на колокольню, в которой он нашел новый сильный законченный архитектурный образ (Рис. 12). Такова

реевского собора Захарова (Кронштадт) является самой близкой по построению и духу к стасовской, но особенности пропорций и композиций обособляют их.

По мере того, как вид усадьбы преобразовывался, становилось ясным, что прежний собор не соответствует подчеркнuto репрезентативному характеру поместья. Поэтому в 1824 г. Стасов предпринял реконструкцию собора, которая должна была изменить его силуэт за счет увеличения высоты купола и установки вокруг барабана колоннады, при полном сохранении вполне сложившегося интерьера. Намеченная проектом Стасова реконструкция была осуществлена. Колоннада вокруг барабана подчеркнула лейтмотив основных сооружений Грузина и способствовала архитектурному единству собора и колокольни.

Последним важным штрихом для центрального ансамбля стало сооружение памятника Александру I (Рис. 13). Место для него было выбрано на главной оси площади между собором и дворцом, к которому был обращен монумент главным фасадом. Идея и основные детали композиции монумента принадлежали всецело Аракчееву. Ее реализацию он не доверил Мартосу, а искал более молодого и перспективного скульптора. По рекомендации В.П. Кочубея, исполнителем идеи Аракчеева стал С.И. Гальберг, который должен был неукоснительно следовать разработанному проекту. Стасов же был привлечен к обсуждению вопросов о материалах для пьедестала. Он порекомендовал не чугун, а гранит и выполнил чертежи пьедестала, исходя из утвержденной композиции памятника и готовых фигур. Монумент, открытый 19 ноября 1833 г. (годовщина смерти Александра I), стал последним сооружением, возведенным в Грузино при жизни Аракчеева. По моим данным, этот памятник был единственным в своем роде, не имел аналогов, целиком построенный на деньги одного человека и установленный в сельской местности.

Самым значительным сооружением в д. Поличка была съезжая на главной площади деревни (Рис. 14). Это произведение Стасова имеет аналогии среди его работ (съезжая в Петергофе) и характерно для зодчего всем обликом и архитектурными деталями. Выстроена в 1824–1828 гг. По своим архитектурным качествам она была в числе выдающихся построек Грузина. Это подтверждает в частности тот факт, что она, как и другие значительные постройки усадьбы, была изображена на парадных сервизных тарелках. Своим ступенчатым, крепко сложенным силуэтом, строгими монументальными дорическими формами съезжая стала доминантой в застройке деревни Полички. Дома в ней строились по одному и тому же плану, разработанному Минутком под наблюдением Стасова. В их монотонный ряд, объединенный чугунными решетками, врвался стройный силуэт съезжей.

Рис. 13. Памятник Александру I

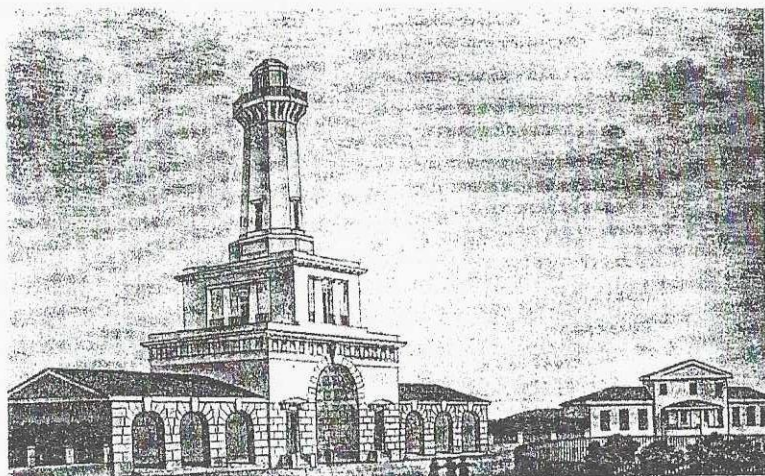

Рис. 14. Деревня Поличка. Съезжая. Справа – крестьянские дома

Так, шаг за шагом Грузино было превращено Демерцовым и Стасовым в исключительный по своей художественной оригинальности и архитектурной цельности усадебный ансамбль – уникальный памятник российской культуры первой трети XIX в.

Таким образом, анализ документального, нарративного и изобразительного материалов свидетельствует, что эстетические вкусы Аракчеева соответствовали нормам и стандартам того времени. Он активно вмешивался в проектирование и строительство усадьбы не только с чисто финансовой стороны. Многие его задумки и предложения были реализованы в тех или иных сооружениях, а также при планировании садово-паркового сегмента усадьбы. Его усадьба со временем превратилась в живописный уголок северо-запада страны, в котором гармонично соединялись архитектурный и садово-парковый компоненты. Сердечные чувства благодарности к памяти императоров Павла I и Александра I он сумел запечатлеть различными художественными способами.

К сожалению, весь усадебный комплекс абсолютно полностью утрачен в годы Великой Отечественной войны.

Библиографический список

1. Ячменихин, К.М. Алексей Андреевич Аракчеев // Российские консерваторы. – М.: «Русский мир», 1997.
2. Томсинов, В.А. Аракчеев. – М.: Молодая гвардия, 2003. (Жизнь замечательных людей: Сер. биогр.; Вып. 866)
3. Курбатов, В.Я. Сады и парки. История и теория садоводческого искусства. – Пг.: Вольер, 1916.
4. Пилявский, В.И. В.П. Стасов – архитектор. – Л.: Госстройиздат, 1963.
5. Грабарь, И.Э. История русского искусства. – Т. III. – М.: Кнебель, 1912.
6. Кондаков, С.Н. Императорская академия художеств. 1764–1914 гг. – СПб, 1914.
7. Петров, П.Н. Академия художеств. Петербург. Сборник материалов для истории. – СПб, 1864.
8. Мурашова, Н.В. Архитектор Федор Иванович Демерцов // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник. 1981. – Л., 1983.

9. Российский государственный военно-исторический архив (далее - РГВИА). - Ф. 154. - Оп. 1. - Д. 274. Приход и расход материалов в с. Грузино с 1800 по 1813 гг. - 256 л.

10. Отдел письменных источников Государственного исторического музея. - Ф. 190. - Оп. 1. - Д. 14. Переписка по Грузинской вотчине. 1805.-1810 гг. - 186 л.

11. РГВИА. - Ф. 154. - Оп. 1. - Д. 215. Краткие выписки о приходе и расходе денег графа Аракчеева в с. Грузине и С.-Петербурге с 1801 по 1831 гг. - 98 л.

12. *Писарев, А.* Собор Святого Апостола Андрея Первозванного (в селе Грузине) // *Сын Отечества*. - 1816. - №11.

13. *Г.С.Ш.* Семейство Апрелевых. - СПб, 1898.

14. РГВИА. - Ф. 154. - Оп. 1. - Д. 35. Партикулярные письма и частные просьбы на имя военного министра (А.А. Аракчеева). 1808-1809 гг.

15. *Мурашова, Н.В.* Архитектурный ансамбль усадьбы Грузино - произведение Ф.И. Демерцова // *Панорама искусств*. - №9 - М., 1986.

16. *Ячменихин, К.М.* Армия и реформы: военные поселения в политике российского самодержавия. - Чернигов: «Сіверянська думка», 2006.

17. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. - Ф. 29. - Оп. 1. - Д. 9. Ведомости о приходе и расходе денег в Грузинской вотчине за 1816 и 1817 гг.

18. Там же. - Д. 10. Дело о покраске крыш крестьянских домов в Грузинской вотчине. 1810-1817 гг.

19. Там же. Д. 11. Дело о бывшем голове Грузинской вотчине Иване Дмитриеве, сосланном в Сибирь на поселение.

20. *Сеиньин, П.П.* Поездка в Грузино // *Сын Отечества*. - 1816. - №40.

21. РГВИА. - Ф. 154. - Оп. 1. - Д. 402. Дела по подрядам о вывозе камня, бревен и фашин. 1817-1821 гг.

22. Там же. Д. 521. Входящие и исходящие бумаги по Грузинской вотчине за 1824 г.

23. Там же. Д. 458. Приказы, отдаваемые графом Аракчеевым в с. Грузине. 1821-1827 гг.

И.В. Гончарова

кандидат исторических наук,

доцент кафедры истории России

Орловского государственного университета

Г.С. Чувардин

кандидат исторических наук,

доцент кафедры истории России

Орловского государственного университета

Особенности восприятия социалистических преобразований деревни крестьянством Центрального Черноземья в конце 1920 - начале 1930 гг.

Для современной историографии характерно изучение политики социалистического преобразования деревни в конце 1920-х - начале 1930-х гг. в единстве политических, экономических и социокультурных факторов. Нельзя не согласиться с В.А. Бондаревым, который считает, что «коллективизацию следует рассматривать как комплекс взаимосвязанных аспектов: социокультурного, социально-политического, социально-экономического, организационно-технического» [1]. При этом социокультурный аспект наиболее ярко проявился на региональном уровне, где преобразователи сталкивались с традиционными установками крестьянского мировоззрения, где сложно было провести грань между борьбой власти за ресурсы и ее стремлением преобразовать отсталую деревню. Этот аспект во многом обусловил и напряженность крестьянского противостояния реформам.

К концу 1920-х гг. власть ликвидировала хозяйственную автономию крестьянского двора. Хлебозаготовители получили возможность осуществлять полный контроль над единоличными хозяйствами и их ресурсами. Объектом грубого вмешательства стали морально-этические устои и внутренние отношения крестьянской семьи. Традиционные ценности земледельческой культуры объявлялись отжившими, не соответствующими задачам социалистического строительства. Это способствовало повышению уровня тревожности в крестьянской среде. Атмосфера страха стала благоприятным условием для распространения слухов. Канадская исследовательница Линн Виола называет слухи символическим выражением коллективного мировоззрения. «Наряду с пророчествами, видениями и сказками они являются проекцией народной мысли, а в эпоху коллективизации ста-